

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) / LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.54.1>

ХРОНОТОПИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА ЭЛЕГИИ XX-XXI ВВ

Научная статья

Соловьева М.С.^{1,*}

¹ Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (mariathewriter[at]yandex.ru)

Аннотация

Работа посвящена исследованию хромотопической структуры текстов англоязычных элегий XX-XXI вв. В статье дается определение таким понятиям, как «элегия» и «хромотопическое поле», выявляются хромотопические поля, присущие элегическому тексту, и описываются способы их репрезентации в элегиях рассматриваемого периода. На основе анализа эмпирического материала сделан вывод, что оппозиция хромотопических полей «До утраты» – «Событие утраты и его обстоятельства» – «После утраты», характерная для элегических текстов Возрождения и Нового времени, а также для донормандского периода сохраняется и на современном этапе, однако способы ее репрезентации претерпевают изменения. Таким образом, ее можно отнести к имманентным текстотипологическим характеристикам элегии.

Ключевые слова: элегия, хромотоп, хромотопическая структура, хромотопические поля, современная англоязычная поэзия.

THE CHRONOTOPIC STRUCTURE OF THE XXTH-XXIST CENTURY ELEGY TEXT

Research article

Solovyova M.S.^{1,*}

¹ Independent researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (mariathewriter[at]yandex.ru)

Abstract

The work is dedicated to the study of the chronotopic structure of the texts of English-language elegies of the XXth-XXIst centuries. The article defines such concepts as ‘elegy’ and ‘chronotopic field’, identifies the chronotopic fields inherent in the elegy text, and describes the ways of their representation in the elegies of the period under consideration. On the basis of the analysis of empirical material it is concluded that the opposition of chronotopic fields "Before the loss" – "The event of loss and its circumstances" – "After the loss", characteristic of elegy texts of the Renaissance and New Age, as well as for the Pre-Norman period, is preserved at the modern stage, but the ways of its representation undergo changes. Thus, it can be attributed to the immanent text-typological characteristics of elegy.

Keywords: elegy, chronotope, chronotopic structure, chronotopic fields, modern English-language poetry.

Введение

Актуальность исследования обусловлена активным развитием лингвистики текста и необходимостью построения типологии текстов, в частности, художественных.

Целью работы служит описание пространственно-временной структуры элегий XX-XXI вв.

Для достижения цели исследования поставлены задачи: во-первых, выявить основные хромотопические поля, присущие элегическому тексту, во-вторых – описать способы их репрезентации в современный период (XX-XXI вв.). Теоретической базой послужили работы М.М. Бахтина, который впервые использовал термин «хромотоп» для описания текста [1, С. 234], а также других исследователей, описавших пространственно-временную структуру текстов различных типов [2], [3], [4] и др.

В статье применяется метод лингвистической интерпретации текста, а также метод проникающего изучения категории эмотивности (ПИКЭ), разработанный О.Е. Филимоновой [6].

Исследования эмпирического материала позволяет сделать вывод, что тернарная оппозиция ХП «До утраты» – «Событие утраты и его обстоятельства» – «После утраты», присущая элегическим текстам более ранних периодов, сохраняется и в современной элегии.

Основная часть

2.1. Уточнение понятий «элегия» и «хромотопическое поле» (ХП)

В настоящей статье под элегией понимается стихотворный текст, репрезентирующий отрицательные эмоции персонажа, который переживает ситуацию утраты объекта, вызывавшего положительные эмоции.

Термин «хромотопическое поле» (далее – ХП) заимствован у Н.В. Алексеевой [6, С. 316]. В настоящей работе хромотопическое поле (далее – ХП) рассматривается как репрезентированное в тексте представление субъекта речи об отрезке пространственно-временного континуума, определенным образом ориентированного относительно ключевых событий текста (в элегии – относительно события утраты).

В элегическом тексте ключевым является событие утраты, имевшее место в прошлом относительно момента речи. Это событие делит художественное время на три периода: до утраты, во время утраты и после утраты. В тексте этим периодам соответствуют определенные ХП. В классических элегиях периода Возрождения и Нового времени, а также в элегических текстах донормандского периода, четко выделяется тернарная оппозиция ХП «До утраты» – «Событие утраты и его обстоятельства» – «После утраты».

Рассмотрим, в какой мере и какими способами эти ХП репрезентированы в текстах элегий XX-XXI вв.

2.2. Тернарная оппозиция ХП «До утраты» – «Событие утраты и его обстоятельства» – «После утраты»

Как и в более ранние периоды, ХП «До утраты» – время жизни объекта утраты. В отличие от классических элегических текстов 16-19 вв., в современной элегии на первое репрезентации объекта утраты место выступают не достоинства умершего, а та роль, которую он сыграл в жизни субъекта утраты. Поэтому репрезентация ХП «До утраты» часто осуществляется через воспроизведение тех или иных эпизодов с участием умершего – как их запомнил лирический герой, или как они представляются его воображению. Упомянуты конкретные детали: «I can barely remember you, yet I can see // You not as my father but as my son. You are age nine. // The downpour divides into two massive stage curtains // Parting. You bolt from the bunk, loudly racing // (...) Your cape of a towel flapping as if ready to lift you airborne» [7]. Здесь для ввода воображаемого образа отца в детстве используется глагол «to see» («I can see you»). Сама его семантика подразумевает одновременность воспринимаемого и момента речи. Поэтому вполне логично в данном случае использование настоящего времени – воображаемый эпизод из прошлого представлен так, как если бы он происходил в настоящем. И, тем не менее, из контекста совершенно очевидно, что «видимое» субъектом речи относится к хронологическому полю «До утраты», ко времени, когда ее отец был жив, более того, когда он был еще ребенком.

В элегии К. Форше воспоминание о прошлом метафорически представлено как перелистывание страниц: «The page opens to snow on a field: boot-holed month, black hour // (...) Beneath a tattoo of stars the gate open, so silent so like a tomb. // This is the city you most loved, an empty stairwell // where the next rain lifts invisibly from the Seine. // With solitude, your coat open, you walk // steadily as if the railings were there and your hands weren't passing // through them» [8]. В этих строках воспроизводится, вероятно, какой-то конкретный эпизод с участием умершего и, как и в предыдущем примере, глаголы употребляются в настоящем времени.

Когда речь идет о повторяющихся, типичных действиях или ситуациях, имевших место при жизни объекта утраты, обычно используется Past Simple: «Oh, when she was sad, she cast herself down into such a pure depth, // Even a father could not find her» [9], «Whenever my father was left with nothing to do (...) he played the piano» [10].

Интересный пример репрезентации ХП «До утраты» находим в стихотворении Р. Линденберг «Catalogue of Ephemera» [11]. Оно состоит из 38 предложений (в основном, совпадающих со строками), каждое из которых начинается со слов «you give me», выполняющих роль подлежащего, сказуемого и косвенного дополнения, после которого упоминаются различные предметы, связанные с памятью об умершем, представленные именными группами, выполняющими в предложении роль прямого дополнения. Таким образом, глагол-сказуемое в каждом предложении употреблен в настоящем времени. Представляется, что в данном случае настоящее время глагола указывает на непреходящую память об умершем возлюбленном лирической героини – для нее он остается значимой фигурой и после своей смерти, продолжая оказывать на нее влияние, поэтому предикативное ядро в каждом предложении служит связующим звеном между ХП «До утраты» и «После утраты». Прямое дополнение каждого предложения служит репрезентации ХП «До утраты». Приведем несколько строк из этого стихотворения, выделив жирным шрифтом прямое дополнение в каждом из них (выделение курсивом – от автора): «You give me **flowers resembling Chinese lanterns**. // You give me **hale, for yellow**. You give me **vex**. // (...) You give me **all 463 stairs of Brunelleschi's dome**. // You give me **seduction** and you let me give it back to you. // You give me **you**. // (...) You give me **hyacinths and narcissus**. You give me **foxgloves** // and soft fists of peony. // You give me **paintings of women with their eyes closed**. // You give me **grief, and how to grieve**» [11].

ХП «Событие утраты и его обстоятельства» может вводиться в текст при помощи развернутого рассказа о последних днях или часах жизни объекта утраты. Поскольку в современном мире смерть часто наступает в больнице, то и в пространственно-временной структуре текста элегии нередко присутствует пространство больницы. Так, в стихотворении Д. Миранда «Our Lady of Perpetual Loss» нет рассказа о самом моменте смерти матери лирической героини, но описываемый в нем период обозначен словосочетанием «our mother's last week». Метафорически эта неделя она изображена как некий объект, состоящий из («constructed of») предметов и явлений, характерных для больничной палаты (медицинское оборудование, лекарства, процедуры и сопровождающие их звуки): «clear plastic tubing, IVs, oxygen hiss, cough medicine, morphine patches, radiation tattoos» [12].

Иногда событие утраты вводится как краткое сообщение, вынесенное в придаточное предложение, либо даже в неполнопредикативную структуру. Так, в стихотворении Т. Ретке «Elegy for Jane» обстоятельства смерти девушки вынесены в подзаголовок и представлены при помощи пассивного причастия («My student, thrown by a horse» [9]).

В стихотворении Т. Берригана «People who Died» перечисляются родные и близкие субъекта речи, умершие по разным причинам. При этом используется нарушенный синтаксис (эллипсис, парцелляция), приближенный к разговорной речи и передающий эмоциональное возбуждение субъекта речи. Некоторые строки можно рассматривать либо как эллиптические предложения (например, «Pat Dugan (was my) grandfather (who died of) throat cancer (in) 1947», «Jimmy «Wah» Tiernan (was) my friend, in High School, Football & Hockey All-State (who died/was killed in a) car crash (in) 1959), либо как цепочки назывных предложений. В любом случае, событие смерти в этих предложениях не обозначено эксплицитно, указывается лишь ее причина. В четырех других предложениях событие смерти обозначено при помощи глагола в форме пассивного причастия («killed in Korea», «killed by smoke-poisoning», «hit by a car») или прилагательного («dead of Huntington's Chorea») без использования глаголов в личной форме, таким образом, можно говорить о неполнопредикативной структуре. И, наконец, в пяти предложениях предикативная структура не нарушена;

имя собственное, обозначающее объект утраты и выполняющее в предложении роль подлежащего, согласуется с глаголом в личной форме, обозначающим событие смерти: «Cisco Houston.....died of cancer», «Freddy Herko, dancer...jumped out of a Greenwich Village window»; «Neal Cassady.....died of exposure»; «Franny Winston.....just a girl....totalled her car on the Detroit-Ann Arbor», «Jack Kerouac.....died of drink & angry sickness» [13]. Но вне зависимости от того, используются ли предикативные и неполнопредикативные структуры или лишь номинации причины смерти, сообщение о смерти занимает не более трех строк, и восстановление подробностей произошедшего оставляется на усмотрение читателя.

Образная репрезентация (метафоризация, в том числе – олицетворение) смерти – центрального момента элегии, унаследовано от элегий более раннего периода. Однако образность претерпевает изменения, характерные для общего направления развития поэзии – индивидуальная метафора получает преимущество над конвенциональной. Приведем пример: «Death is the dog-headed man zebra striped // and surrounded by silence who walks like a lion, // who is black. It was his voice crying come back, // that Virginia Woolf heard, turned // her fine skull, hounded and haunted, stopt, // pointed into the scent where // I see her in willows, in fog, at the river of sound // in the trees» [14] (орфография автора – М.С.). В этом примере можно наблюдать трансформацию метафоры «DEATH IS A HUMAN BEING». В элегиях позднего Возрождения и Нового времени смерть представлена как некое антропоморфное существо. Оно обладает устрашающей внешностью, но черты этой внешности нигде подробно не описываются. В данном примере смерть изображена в виде антропоморфного существа с зооморфными особенностями, описывается его внешность и особенности поведения.

Как и в элегиях более раннего периода, ХП «После утраты» всегда представлено в тексте элегии, хотя бы имплицитно, как момент речи, момент лирической концентрации. Эксплицитная репрезентация данного ХП может занимать всего одну строку или несколько строк, число которых мало по сравнению с объемом всего стихотворения, однако эти строки нередко выносятся в сильную позицию – в конец стихотворения. Например, элегия Т. Берригана «People who Died» заканчивается словами: «My friends whose deaths have slowed my heart stay with me now» [13]. Фортепианная игра внука лирической героини воскрешает в ее сознании звуковой образ («audible image») отца. Этот звуковой образ и служит связующим звеном между ХП «После утраты» и «До утраты»; этой же цели служит и имя внука лирической героини, совпадающее с именем ее отца. Ранее, в основной части элегии, посвященной репрезентации ХП «До утраты», ХП «После утраты», присутствуют вкрапления ХП «После утраты», репрезентированного при помощи глагола «to think» в настоящем времени – «I think of him packing his lifespan», «For him, I think, playing was solo flying» [10]. Настоящее для лирической героини – время размышлений об отце.

ХП «После утраты» может быть представлено и более развернуто. Так, в стихотворении Т. Петке «Elegy for Jane» читаем: «My sparrow, you are not here, // (...)The sides of wet stones cannot console me, // Nor the moss, wound with the last light» [8]. Здесь представлен момент «Здесь и сейчас», местонахождение субъекта речи в момент произнесения лирического монолога, атрибутами которого являются влажные камни и вечерний свет. Они служат напоминанием об умершей девушке.

Еще один яркий пример репрезентации ХП «После утраты» находим в стихотворении Л. Пастан «The Five Stages of Grief», в котором лирическая героиня анализирует свой эмоциональный опыт первого года после потери любимого человека. Она сравнивает описанные в психологии этапы принятия горя (Denial, Anger, Bargaining, Depression, Acceptance) со ступеньками лестницы: «Go that way, they said, // it's easy, like learning to climb // stairs after the amputation» [15, С. 232]. Однако в финале стихотворения «лестница» оказывается «винтовой»: «Grief is a circular staircase» (Pastan), и принятие потери все еще невозможно. Этот образ усилен «кольцевую» структурой самого стихотворения – в первой и последней строках используется глагол «to lose», в формах Past Simple («The night I lost you») и Present Perfect («I have lost you») соответственно. Форма Present Perfect подчеркивает интенсивность и свежесть горестных эмоций, которые лирическая героиня испытывает даже спустя год после случившегося.

Как и в более ранние периоды развития текстотипа элегии, может использоваться противопоставление ХП «До утраты» и «После утраты». Рассмотрим стихотворение М. Сейзера «Where They Lived». В заголовок вынесено обозначение места, посещение которого послужило импульсом к написанию стихотворения; он содержит полнопредикативную структуру, но выглядит не как законченное предложение, а как придаточное места. В качестве подлежащего выступает местоимение «they», обозначающее объектов утраты, в качестве сказуемого – глагол в прошедшем времени «lived», отсылающий к ХП «До утраты», ко времени, когда объекты утраты (некая супружеская пара, вероятно – родители лирической героини) были живы. В первых строках стихотворения противопоставление двух ХП также осуществляется при помощи форм глагола прошедшего и настоящего времени (глаголы выделены курсивом): «One last time I *unlock* // the house where they *lived* // and *fought* and *tried* again» (Saiser). Далее перечисляются детали, которые были привычны для ХП «До утраты», но сохранившиеся до настоящего времени (прилагательное «unchanging»), присутствующие в ХП «После утраты»: «the air of the place, // carpet with its unchanging green, // chair with its back to me» (Saiser). Представляется, что стул, повернутый спинкой к лирической героине, символизирует разрыв между прошлым и настоящим, невозможность установить контакт с умершими. Далее в тексте встречаем образ отцветшего и увядшего цветка: «On the TV set, the Christmas cactus // has bloomed, has spilled its pink flowers // down its scraggly arms // and died, drying into paper» (Saiser). Здесь актуализируется традиционная для элегии концептуальная метафора «FADING OF A FLOWER IS THE DEATH OF A HUMAN». В данном примере метафора эта обрастает бытовыми подробностями: цветок принадлежал умершим и стоит он на телевизоре, который ранее также принадлежал им (и, вероятно, служил одним из средств совместного времяпрепровождения), указано название цветка (Christmas cactus – рождественский кактус, декабрист). Сам цветок, в свою очередь, обретает антропоморфные черты: у него есть руки («scraggly arms»), а его увядание обозначено глаголом «died». Таким образом, можно сказать, что рождественский кактус символизирует ХП «До утраты», время жизни супругов, со всеми их неурядицами и радостями: прилагательное «scraggly», отнесенное к ветвям-рукам кактуса, указывает на «шероховатости»

супружеской жизни («and fought and tried again»), в то время как розовые цветки, возможно, – на былое счастье. Однако увядшее растение в его плачевном состоянии принадлежит ХП «После утраты». Этот образ служит связующим звеном между двумя ХП, подобно образу могилы умершего или описанию его тела после смерти. Этой же цели служит упоминание призраков умерших: «ghosts lean toward one another, (...) before ambling away» [16]. Воображаемые призраки умерших – принадлежавших ХП «До утраты» – присутствуют в ХП «После утраты», однако их скорый уход свидетельствует о противопоставленности этих двух ХП, о невозможности вернуть прошлое.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что хронотопическая структура элегии XX-XXI вв. в целом совпадает с хронотопической структурой элегии более ранних периодов и по-прежнему основана на тернарной оппозиции ХП «До утраты» – «Событие утраты и его обстоятельства» – «После утраты». Таким образом, данную оппозицию можно считать имманентной текстотипологической характеристикой элегии. При этом способы репрезентации традиционных элегических ХП изменяются в сторону большей индивидуализации и конкретизации, а традиционные концептуальные метафоры, используемые для их актуализации, претерпевают переосмысление.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975 — С. 234-407.
2. Енукидзе Р.И. Художественный хронотоп и его лингвистическая организация (На материале англ.-амер. рассказа) / Р.И. Енукидзе. — Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1987. — 194 с.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПб, 1998. — С. 14-285
4. Тураева З.Я. Категория времени: время грамматическое и время художественное (на материале английского языка) / З.Я. Тураева. — М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2009. — 216 с.
5. Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте / О.Е. Филимонова. — СПб.: Книжный Дом, 2007. — 447 с.
6. Алексеева Н.В. Хронотопические «Поля» героя и автора в романе Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» / Н.В. Алексеева // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 4(1). — С. 316-321.
7. Wolf M. Rosono Lakeside / M. Wolf. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poem/30009> (accessed: 12.12.2023)
8. Forche C. Elegy / C. Forche. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/bio/carolyn-forche> (accessed: 12.12.2023)
9. Roethke Th. Elegy for Jane / Th. Roethke. — URL: <https://www.poemhunter.com/poem/elegy-for-jane/> (accessed: 12.12.2023)
10. Stevenson A. Elegy / A. Stevenson. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/180227> (accessed: 12.12.2023)
11. Lindenberg R. Catalogue of Ephemera / R. Lindenberg. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/243892> (accessed: 12.12.2023)
12. Miranda D. Our Lady of Perpetual Loss / D. Miranda. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/240156> (accessed: 12.12.2023)
13. Berrigan T. People who Died / T. Berrigan. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/245510> (accessed: 12.12.2023)
14. Duncan R. An African Elegy / R. Duncan. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/176024> (accessed: 12.12.2023)
15. Pastan L. The Five Stages of Grief / L. Pastan. — New York: Norton, 1978. — 232 p.
16. Saiser M. Where They Lived / M. Saiser. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/179331> (accessed: 12.12.2023)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy pojetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics] / M.M. Bahtin // Voprosy literatury i jestetiki [Questions of literature and aesthetics]. — М.: Hudozhestvennaja literatura, 1975 — P. 234-407. [in Russian]
2. Enukidze R.I. Hudozhestvennyj hronotop i ego lingvisticheskaja organizacija (Na materiale angl.-amer. rasskaza) [Artistic chronotope and its linguistic organization (On the material of English-American story)] / R.I. Enukidze. — Tbilisi: Tbilisi University Publishing House, 1987. — 194 p. [in Russian]
3. Lotman Ju.M. Struktura hudozhestvennogo teksta [Structure of a fiction text] / Ju.M. Lotman. — SPb.: Iskusstvo-SPb, 1998. — P. 14-285 [in Russian]

4. Turaeva Z.Ja. Kategorija vremeni: vremja grammaticheskoe i vremja hudozhestvennoe (na materiale anglijskogo jazyka) [The category of time: grammatical time and fiction time (on the material of the English language)] / Z.Ja. Turaeva. — M.: URSS LIBROKOM, 2009. — 216 p. [in Russian]
5. Filimonova O.E. Jemociologija teksta. Analiz reprezentacii jemocij v anglijskom tekste [Emotionology of text. Analysis of emotion representation in English text] / O.E. Filimonova. — SPb.: Knizhnyj Dom, 2007. — 447 p. [in Russian]
6. Alekseeva N.V. Hronotopicheskie «Polja» geroja i avtora v romane D. Rubinoj «Na solnečnoj storone ulicy» [Chronotopic "Fields" of the hero and the author in the novel by D. Rubina "On the Sunny Side of the Street"] / N.V. Alekseeva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo [Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University]. — 2011. — № 4(1). — P. 316-321. [in Russian]
7. Wolf M. Pocono Lakeside / M. Wolf. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poetrymagazine/poem/30009> (accessed: 12.12.2023)
8. Forche C. Elegy / C. Forche. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/bio/carolyn-forche> (accessed: 12.12.2023)
9. Roethke Th. Elegy for Jane / Th. Roethke. — URL: <https://www.poemhunter.com/poem/elegy-for-jane/> (accessed: 12.12.2023)
10. Stevenson A. Elegy / A. Stevenson. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/180227> (accessed: 12.12.2023)
11. Lindenberg R. Catalogue of Ephemera / R. Lindenberg. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/243892> (accessed: 12.12.2023)
12. Miranda D. Our Lady of Perpetual Loss / D. Miranda. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/240156> (accessed: 12.12.2023)
13. Berrigan T. People who Died / T. Berrigan. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/245510> (accessed: 12.12.2023)
14. Duncan R. An African Elegy / R. Duncan. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/176024> (accessed: 12.12.2023)
15. Pastan L. The Five Stages of Grief / L. Pastan. — New York: Norton, 1978. — 232 p.
16. Saiser M. Where They Lived / M. Saiser. — URL: <http://www.poetryfoundation.org/poem/179331> (accessed: 12.12.2023)